

Е. Н. Василенко
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова, Могилев

ЯЗЫК ВРАЖДЫ В ЗАГОЛОВКАХ НОВОСТНЫХ
ИНТЕРНЕТ-СТАТЕЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОГО СЕГМЕНТА
ВСЕМИРНОЙ СЕТИ)

Аннотация: В статье рассматривается использование языка вражды в заголовках новостных интернет-статей. Обосновывается необходимость изучения вербализации враждебности в интернет-дискурсе. Освещаются подходы к трактовке языка вражды (*hate speech*) как лингвистического феномена. Материалом исследования послужили заголовки статей на гендерную тематику за 2014–2018 гг., представленных на белорусском интернет-портале TUT.by. При анализе материала использована классификация, предложенная А. М. Верховским.

Ключевые слова: язык вражды, интернет-дискурс, новостная интернет-статья, заголовок, гендер.

Е. N. Vasilenko
Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev

HATE SPEECH IN INTERNET NEWS ARTICLE
HEADLINES (BASED ON THE BELARUSIAN
SEGMENT OF THE INTERNET)

Annotation: The article discusses the use of hate speech in the headlines of Internet news articles. The necessity of studying verbalization of hostility in the Internet discourse is substantiated. The approaches to the interpretation of hate speech as a linguistic phenomenon are highlighted. The study is based on the headings of the articles on gender issues published on the Belarusian Internet portal TUT.by in 2014–2018. The analysis of the material is based on the classification of hate speech types proposed by A. M. Verkhovsky.

Keywords: hate speech, Internet discourse, Internet news article, headline, gender.

Актуальность лингвистического исследования вербализации враждебности в интернет-дискурсе. В последние два десятилетия феномен *hate speech* получил широкое освещение в работах по гуманитарным дисциплинам. Возросший интерес исследователей к данному явлению обусловлен тем, что использование элементов вербализации коммуникативно-прагматической категории враждебности [1] несет в себе значительную социальную опасность, так как может быть формой проявления того или иного вида дискриминации или нетерпимости: расизма, ксенофобии, гомофобии, сексизма, межнациональной вражды и пр. Именно этот факт обуславливает неугасающий интерес к изучению данного явления со стороны специалистов в области юриспруденции по всему миру. При этом само наличие в термине компонента *speech* предполагает необходимость исследования данного феномена, в первую очередь, с позиций лингвистики.

Очевидно, что использование элементов *hate speech* в разных типах дискурса требует отдельного рассмотрения. Так, например, в политическом

дискурсе, особенно в речи политической элиты общества, агрессия по отношению к оппоненту имеет, как правило, имплицитное выражение, что делает еще более значимым изучение вербализации враждебности в плане коннотативного аспекта семантики языковых единиц [2].

Учитывая, что наибольшее распространение негативные высказывания приобретают в интернет-дискурсе, предполагающем полную анонимность говорящего, особую актуальность для языкознания приобретают исследования, привлекающие в качестве источника материала именно ресурсы мировой сети. Изучение интернет-дискурса как едва ли ни самой динамично развивающейся сферы общения с точки зрения вербализации враждебности представляется стратегически важным, так как именно здесь находят отражение основные процессы и изменения, происходящие как в обществе, так и в самом языке.

Перевод и границы термина *hate speech*.

Учитывая, что изучение *hate speech* попадает в сферу интересов не только лингвистики, но и правоведения, как было указано выше, сам термин можно трактовать как юрислингвистический, т. е. как «слово или словосочетание юрислингвистического метаязыка, созданного для точного обозначения специальных лингвистических явлений, понятий и конструкций, относящихся к области правовой экспертизы» [3, с. 1376]. В связи с этим, во многих политических документах представлено определение *hate speech*.

Так, например, согласно Общеполитической рекомендации № 15 «О борьбе с языком ненависти» (принята Европейской комиссией по борьбе с расизмом и нетерпимостью 8 декабря 2015 года), «язык ненависти следует понимать как защиту, поощрение или подстрекательство, в любой форме, к унижению, вражде или поношению какого-либо лица или группы лиц, а также как любое проявление притеснений, оскорблений, создания негативных стереотипов, стигматизации или угроз в отношении такого лица или лиц и любое оправдание всех перечисленных форм выражения по признаку расы, происхождения, национальной или этнической принадлежности, возраста, инвалидности, языка, религии или убеждений, пола, гендера, гендерной идентичности, сексуальной ориентации и других личных характеристик или статуса» [4, с. 5].

На наш взгляд, более уместным для использования в лингвоюридическом пространстве представляется термин «вербальный экстремизм», что обусловлено, в первую очередь, разницей в значении понятий «вражда» и «экстремизм» (см. [5]), в то время как феномен *hate speech* необходимо рассматривать, в первую очередь, с позиций науки о языке, а именно с точки зрения лингвоконфликтологии.

В лингвистических работах можно встретить такие варианты перевода термина *hate speech*, как «язык ненависти», «речь ненависти», «риторика ненависти». А. В. Денисова предлагает переводить данный термин как «речь ненавидящего», что позволит говорить о языке вражды как об особом дискурсивном пространстве [6, с. 221].

Мы придерживаемся традиционного перевода термина *hate speech* – «язык вражды», который

получил наибольшее распространение в русскоязычной научной литературе. Враждебность в данном случае понимается нами, вслед за Е. П. Ильиным, как «комплексная аффективно-когнитивная черта, или ориентация личности», которая может проявляться «в эмоциях злости (гнева), отвращения и презрения с присущими им переживаниями и экспрессией, которые могут приводить к агрессивному поведению» [7, с. 254], то есть агрессивное поведение «может проистекать из чувства враждебности, мотивироваться им, но само этим чувством не является. Враждебность еще не есть агрессия <...>» [там же, с. 255].

Вышеизложенная трактовка враждебности обуславливает и нашу позицию относительно разграничения понятий «язык вражды» и «речевая / вербальная агрессия». Во многих лингвистических исследованиях отмечается, что данные термины могут рассматриваться как синонимичные. Так, например, И. Дзялошинский отмечает, что приблизительным эквивалентом «чересчур метафорического понятия “язык вражды”» является термин «речевая агрессия», понимаемая как специфическая форма речевого поведения, мотивированная агрессивным состоянием говорящего [8, с. 106], а А. А. Кирдун и А. В. Андреева рассматривают язык вражды как разновидность речевой/вербальной агрессии [9, с. 101].

Разделяя точку зрения А. В. Евстафьевой, считаем, что «несмотря на множество терминов, используемых в науке для обозначения негативных высказываний (...), ни один из них не является адекватным синонимом термина «язык вражды», так как обозначает либо явление, являющееся его частным случаем, либо понятие, более широкое по объему» [9, с. 11–12].

Проблема лингвистической дефиниции термина «язык вражды». В настоящее время в лингвистике не существует единого, общепризнанного определения термина «язык вражды». Для примера можно привести следующие его трактовки: «лингвистические способы выражения резко отрицательного отношения к каким-либо явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и т. п.), а также к людям, являющимся носителями иных, противоположных автору, духовных ценностей» [11, с. 448]; обобщенное обозначение «языковых средств выражения резко негативного отношения человека по отношению к представителям иной системы религиозных, национальных, политических, социальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей» [12, с. 36]; «дискриминационные, негативистские высказывания, определения, эпитеты применительно к этносу, расе, убеждениям, апеллирующие к конфликтности и разнице между национальностями или религиями и – в своей крайней форме – пропагандирующие вражду и рознь» [13, с. 811]; блатантная, т. е. кричащая, ярко выраженная, форма коммуникации, основанной на предубеждениях и дискриминации (*prejudiced and discriminatory communication*) [14, с. 145].

Как следует из представленных выше определений, неотъемлемыми компонентами содержания понятия «язык вражды» являются резко негативная окраска высказывания и его направленность на

представителей иной системы ценностей или систему ценностей как таковую. В последних двух трактовках, предложенных Н. О. Автаевой и А. В. Гладилиным соответственно, подчеркивается важнейшая составляющая языка вражды – социальная – как формы коммуникации, основанной на предубеждениях и дискриминации.

Таким образом, под языком вражды мы понимаем совокупность языковых средств, выражающих негативное, основанное на стереотипах или предубеждениях, отношение к адресату – носителю ценностей, отличных от ценностей адресанта, и, как следствие, вербализующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости.

Классификации языка вражды. К получившим наибольшее распространение классификациям языка вражды можно отнести следующие две, во многом пересекающиеся и взаимодополняющие, классификации.

Классификация, предложенная А. Р. Ратиновым и изложенная в обновленном варианте в [15], предполагает выделение таких видов языка вражды, как 1) ложная идентификация – формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии путем переноса различного рода негативных характеристик и пороков от дельных представителей на всю этническую или религиозную группу; приписывания всем представителям этнической или религиозной группы стремления следовать древним обычаям, верованиям, традициям, негативно оцениваемым современной культурой; утверждения о врожденном или историческом превосходстве одной нации, расы, религии и неполноценности или порочности других; 2) ложная атрибуция – приписывание враждебных действий и опасных намерений представителям какой либо нации, расы, религии по отношению к другим путем возложения вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую, расовую или религиозную группу; утверждения об изначальной враждебности определенной нации, расы, религии по отношению к другим; утверждения о полярной противоположности и несовместимости интересов одной этнической или религиозной группы с интересами других; утверждения о наличии заговора, тайных планов одной национальной или религиозной группы против других; объяснения бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определенных этнических, расовых и религиозных групп; 3) мнимая оборона – побуждение к действиям против какой либо нации, расы, религии путем поощрения, оправдания геноцида, депортаций, репрессий в отношении представителей какой либо нации, расы, религии; требования вытеснить из различных сфер деятельности лиц определенной национальности, расы, конфессиональной принадлежности; требования ограничить права и свободы граждан или создать привилегии по национальному, расовому, религиозному признаку; высказывания угроз и подстрекательства к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, расы или по признаку религиозной принадлежности [15, с. 77].

В основу исследования положена классификация, предложенная А. М. Верховским для разграничения степени жесткости видов языка вражды, используемых в отношении религиозных и этнических групп [16, с. 42–43], в соответствии с которой к жесткому языку вражды относятся прямые и непосредственные призывы к насилию; призывы к насилию в виде общих лозунгов; прямые и непосредственные призывы к дискриминации; призывы к дискриминации в виде общих лозунгов; завуалированные призывы к насилию и дискриминации. Средний язык вражды включает в себя оправдание исторических случаев насилия и дискриминации; публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации; утверждения об исторических преступлениях группы как таковой; указания, с целью дискриминации, на связь группы с политическими и государственными структурами; утверждения о криминальности той или иной группы; рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т. д.; обвинение в негативном влиянии той или иной группы на общество, государство; призывы не допустить закрепления в регионе мигрантов, принадлежащих к той или иной группе. Мягкий язык вражды заключается в создании негативного образа группы; упоминании названия группы в уничижительном контексте; утверждении о неполноценности группы как таковой; утверждении о моральных недостатках той или иной группы; упоминании группы или ее представителей как таковых в уничижительном или оскорбительном контексте; цитировании высказываний и текстов, имеющих явно дискриминирующий характер, без комментария.

Пример исследования использования языка вражды в заголовках новостных интернет-статей. Объектом данного исследования выступили заголовки новостных статей на гендерную тематику за 2014–2018 гг. (до 06.11.2018), представленных на интернет-портале TUT.by (в том числе и статьи авторов других интернет-изданий, опубликованные на этом портале).

В ходе исследования было установлено, что из 141 новостной статьи, затрагивающей тематику ЛГБТ-сообщества (что упомянуто в заголовке), в заголовках десяти можно обнаружить то или иное проявление языка вражды. Характерно, что в абсолютном большинстве случаев – это прямые или косвенные цитаты (три из которых связаны с одним событием):

– средний язык вражды – утверждение о криминальности социальной группы: *Охлобыстин попросил Путина вернуть уголовное наказание за мужеложество от 07.01.2014; На их взгляд, это было правосудие. Рассказ гея о подставном свидании от 10.07.2018;*

– мягкий язык вражды – утверждение о моральных недостатках социальной группы: *Пусть оставят в покое. Мы не злодеи. Как живет в обычной деревне семья, где «папа» – транссексуал от 06.02.2016* (примечательно, что в данном заголовке слово *папа* выделено кавычками, что также может трактоваться как способ проявления языка вражды); *Мы – за подлинное, они не пройдут! МВД*

Беларуси – о ЛГБТ-флаге на посольстве Великобритании от 20.05.2018; «Они не пройдут!» и «Сами вы подделка!» Как флаг ЛГБТ на посольстве спровоцировал конфликт от 07.06.2018; Шуневич по поводу ЛГБТ-флага: Это была проверка общества на зрелость, которую оно не прошло от 07.06.2018;

Мягкий язык вражды – утверждение о неполноценности социальной группы – был обнаружен еще в одном заголовке: ВОЗ рекомендует всем геем пройти профилактику ВИЧ от 11.07.2014. Интересно, что, как и в случае с заголовком Гомосексуалы в США зарабатывают больше натуралов от 08.12.2017 (средний язык вражды – указание на превосходство социальной группы в материальном достатке), несмотря на непосредственную констатацию факта в заголовке, его формулировка предполагает выделение (и противопоставление) данной социальной группы, что, несомненно, провоцирует определенный отклик у читателя.

В свою очередь, статья Британца 11 лет превращали из женщины в мужчину. Теперь он понял, что это было ошибкой от 06.11.2018 посвящена одному конкретному случаю, однако, учитывая тот факт, что гендерная тематика вызывает у белорусских читателей в основном негативную реакцию, ее заголовок также можно рассматривать как проявление языка вражды, а именно как создание негативного образа группы (мягкий язык вражды).

Наибольший интерес вызывает заголовок Каминг-аут ценой в 50 жизней. Стрелок из Орlando мог быть латентным гомосексуалистом от 14.06.2016 (средний язык вражды – утверждение о криминальности социальной группы). В заголовке прослеживается указание на обусловленность совершения массового убийства сексуальной ориентацией преступника, что отражено в первом же комментарии (орфография и пунктуация автора сохранены): «Ага, а гитлер -латентный иудей, собака всегда мечтала стать котом... К чему это они подвели? что геи кровожадные и люди правильно их ненавидят? Мол смотрите... обычные люди безопасны, а геи- психически не здоровы и могут убить... Эта детская дразнилка "сам такой" уже всем приелась... давайте следующую...». Еще более негативный оттенок данный заголовок приобретает при его сравнении с заголовком статьи о самой трагедии: Из-за стрельбы в ночном клубе в США погибли 50 человек, более полусотни пострадали от 12.06.2016, где не упоминается, что заведение, в котором произошла стрельба, – это ЛГБТ-клуб. Таким образом, упоминание сексуальной ориентации преступника в первом случае и не упоминание сексуальной ориентации жертв во втором явно свидетельствует о создании журналистами негативного образа данной социальной группы.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что язык вражды проявляется лишь в 7% заголовках к статьям на гендерную тематику, опубликованных на интернет-портале TUT.by за 2014–2018 гг. В абсолютном большинстве случаев журналисты используют мягкий язык вражды.

Список литературы

1. Мехонина Е. Н. Коммуникативно-речевая категория враждебности // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 18 (215). Вып. 27. С. 149–155.

2. Василенко Е. Н. Языковые средства убеждения в политическом дискурсе. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. 164 с.

3. Ключникова Е. Л. О природе юрислингвистического термина: постановка проблемы // Вестник Башкирск. ун-та. 2015Т. 20. № 4. С. 1374–1377.

4. Общеполитическая рекомендация № 15 «О борьбе с языком ненависти»: принята Европейской комиссией по борьбе с расизмом и нетерпимостью 8 декабря 2015 г. Страсбург, 2016. 75 с.

5. Громова Н. С. Вербальный экстремизм: к вопросу о границах термина // Вестник Костромского гос. ун-та. 2017. № 3. С. 211–214.

6. Денисова А. В. Правовые основы лингвистической экспертизы «языка вражды» // Юрислингвистика. 2011. С. 221–227.

7. Ильин, Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб. Питер, 2009. 576 с.

8. Дзялошинский И. Кому выгодно тиражирование нетерпимости? // Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: РОО «Центр "Панорама"». 2002. С. 100–114.

9. Кирдун А. А., Андреева А. В. Язык вражды в современной массовой коммуникации Беларуси // Вестник Минского гос. лингвистического ун-та. Сер. 1, Филология. 2017. № 6 (91). С. 100–110.

10. Евстафьева А. В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: Тамбовск. гос. ун-т имени Г. Р. Державина, 2009. 26 с.

11. Кузнецова В. В., Соколова Е. Е. Свобода слова и язык вражды в российских СМИ // Социальные варианты языка. Н. Новгород, 2004. С. 448–450.

12. Хроменков П. Н. Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа: дис. ... д-ра филол. наук. М.: Московский гос. областной ун-т, 2016. 405 с.

13. Автаева Н. О. Язык вражды в современных СМИ: гендерный аспект // Вестник Нижегородского ун-та имени Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 811–813.

14. Гладили А. В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 80. № 21 (312). С. 144–153.

15. Кроз М., Ратинова Н. Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М.: Центр «Сова», 2005. С. 75–91.

16. Верховский А. Общий анализ результатов мониторинга // Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: РОО «Центр "Панорама"». 2002. С. 20–48.

References

1. Mekhonina E. N. Kommunikativno-rechevaya kategoriya vrazhdebnosti // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2015. № 18 (215). Vyp. 27. S. 149–155.

2. Vasilenko E. N. Yazykovyye sredstva ubezhdeniya v politicheskom diskurse. Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova, 2018. 164 s.

3. Kluchnikova E. L. O prirode yurisljngvisticheskogo termina: postanovka problemy // Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2015T. 20. № 4. S. 1374–1377.

4. Obshchepoliticheskaya rekomendatsiya № 15 «O borbe s yazykom nenavisti»: prinyata Yevropejskoi komissiei po borbe s rasizmom i neterpimostyu 8 dekabrya 2015 g. Strasburg, 2016. 75 s.

5. Gromova N. S. Verbalnyi ekstremizm: k voprosu o granitsakh termina // Vestnik Kostromskogo gos. un-ta. 2017. № 3. S. 211–214.

6. Denisova A. V. Pravovye osnovy lingvisticheskoi ekspertizy «yazyka vrazhdy» // Yurisljngvistika. 2011. S. 221–227.

7. Il'in, E. P. Psikhologiya obshcheniya i mezhlichnostnykh otnoshenii. SPb. Piter, 2009. 576 s.

8. Dzyaloshinskii I. Komu vygodno tirazhirovaniye neterpimosti? // Yazyk moy... Problema etnicheskoi i religioznoi neterpimosti v rossiyskikh SMI. M.: ROO «Tsentr "Panorama"».

2002. S. 100–114.

9. Kirdun A. A., Andreeva A. V. Yazyk vrazhdy v sovremennoi massovoi kommunikatsii Belarusi // Vestnik Minskogo gos. lingvisticheskogo un-ta. Ser. 1, Filologiya. 2017. № 6 (91). S. 100–110.

10. Yevstafyeva A. V. «Yazyk vrazhdy» v sredstvakh massovoi informatsii: lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie faktory funktsionirovaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov: Tambovsk. gos. un-t imeni G. R. Derzhavina, 2009. 26 s.

11. Kuznetsova V. V., Sokolova Ye. Ye. Svoboda slova i yazyk vrazhdy v rossiyskikh SMI // Sotsialnye varianty yazyka. N. Novgorod, 2004. S. 448–450.

12. Khromenkov P. N. Lingvopragmatika konflikta: issledovanie metodom kolichestvennogo kontent-analiza: dis. ... d-ra filol. nauk. M.: Moskovskiy gos. oblastnoy un-t, 2016. 405 s.

13. Avtayeva N. O. Yazyk vrazhdy v sovremennykh SMI: gendernyi aspekt // Vestnik Nizhegorodskogo un-ta imeni N. I. Lobachevskogo. 2010. № 4 (2). S. 811–813.

14. Gladilin A. V. «Yazyk vrazhdy» v traditsionnykh i novykh media // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2013. Vyp. 80. № 21 (312). S. 144–153.

15. Kroz M., Ratinova N. Ekspertnaya otsenka materialov, napravlennykh na vzbuzhdenie vrazhdy i nenavisti // Tsena nenavisti. Natsionalizm v Rossii i protivodeystvie rasistskim prestupleniyam. M.: Tsentr «Sova», 2005. S. 75–91.

16. Verkhovskii A. Obshchii analiz rezul'tatov monitoringa // Yazyk moi... Problema etnicheskoi i religioznoi neterpimosti v rossiyskikh SMI. M.: ROO «Tsentr "Panorama"». 2002. S. 20–48.